

Борис Сергеевич Крайнов родился в 1923 году, погиб 5 марта 1943 года.

Детство Бориса Крайнова прошло близ Ярославля в деревне Синдяково. Учился он в Цеденевской и Сенчуговской школах. Борису было всего 18 лет, когда началась война. И уже через несколько месяцев, в октябре 1941 года, он принял командование партизанским отрядом, который вел борьбу с немецкими войсками под Москвой.

Борис Крайнов известен, прежде всего тем, что именно он руководил разведывательной группой, в которой находилась Зоя Космодемьянская. Имя Зои, попавшей в руки противника и героически принявшей смерть, прогремело тогда на всю страну. Но и судьба её командира, Бориса Крайнова, заслуживает не меньшего внимания.

«Этот человек всегда вызывал у меня безмерное восхищение, на всю жизнь, оставшись в памяти героем и патриотом, — писал его бывший заместитель Г. Курбатов. — До боли обидно, что такой яркий человек, как Борис Крайнов, его жизнь, его действия в трудных условиях вражеского тыла остались известными только небольшому кругу товарищей по оружию».

К счастью, остались некоторые воспоминания его сослуживцев.

Одна из соратниц Бориса, бывшая партизанка Лидия Булыгина рассказывала, как осенью 1941 года на станции Жаворонки, под Москвой, учились будущие партизаны. 16 октября того же года они получили гранаты, личное оружие, сухой паек и двинулись в путь. Только отъехали, как в деревне Шаликово они встретили отступающих бойцов. Вскоре показались немецкие мотоциклисты. Вступать в бой было нельзя: у отряда была другая задача. И вот группа, состоящая из двадцати человек под командой Бориса Крайнова, пробиралась болотом в тыл врага.

В те трудные для отряда дни, когда половина людей была ранена, когда кончались продукты, Борис Крайнов показал исключительную выдержку. Он помогал уставшим бойцам вести разведку и подрывную работу, заботился о раненых.

7 ноября, выполнив задание, группа решила выходить к своим. Внезапно начался дождь и тонкий лед на реке Наре, через которую предстояло перебираться, накрылся водой.

«Мы, девчата, — вспоминает Лида Булгина, — стали просить у командира лодку, так как у Наташи Самойлович была ранена рука, а Воронина Аля не умела плавать. Лодку

найти не удалось. Начали плести из прутьев маты, чтобы положить их на лед. Из этой затеи ничего не вышло, — маты тонули. Когда ломали в лесу кусты, подняли шум. Со стороны наших войск группу обстреляли из пулемета. Обнаружил нас и противник. Два бойца под огнем стали прорубать лед, чтобы можно было пуститься вплавь. Наташа Самойлович, приземистая, курносая девушка, обратилась к подругам: «Поплывем!» И вот разделись на снегу, белье связали в плащ-палатку. Бросились в воду. Холод пронизывал все тело, ноги сводило... Наташа Самойлович гребла одной рукой, то и дело, погружаясь в воду с головой. Первые перебравшиеся бойцы подали нам шести.

На берегу остались не умеющая плавать Аля Воронина и командир отряда. Он не захотел оставить ее одну.

По рассказам Али, Борис пошел вдоль берега по направлению к деревне, занятой противником. Рядом в окопах слышалась чужая речь. Почти под носом у солдат Борис заметил полузатонувшую лодку, вылил из нее воду и поплыл, отталкиваясь шестом. Недалеко от берега лодка затонула, и Аля с Борисом не избежали ледяной купели.

Первый поход очень сдружил всех его участников. В штабе им предоставили выбор: кто желает, может перейти на другую работу, но никто не изменил партизанской судьбе».

Вскоре партизаны стали готовиться ко второму походу. И вновь командиром был назначен Борис Крайнов, его заместителем — ярославец Павел Проворов.

Перейти фронт было труднее, чем в первый раз. Группе дали двух проводников-разведчиков. Шли гуськом, затылок в затылок. Впереди — Борис, замыкал колонну Павел. Связной между разведчиками-проводниками и группой была Вера Волошина — белокурая, стройная сибирячка из Кемерова, московская студентка.

По сигналу Веры группа остановилась. Борис скомандовал: «Ложись!», а сам ушел вперед. Через несколько минут над головами партизан засвистели пули. Пронесли раненого проводника. Когда стрельба затихла, Крайнов приказал подняться. И снова пошли гуськом, прислушиваясь к каждому шороху.

Партизаны шли днем и ночью, останавливались только на короткие привалы. Клава Милорадова из отряда Бориса Кранова, рассказывала: «Когда он спал, не знаю! Когда я засыпала, он что-то проверял по компасу, по карте. Нас будили — он стоял уже наготове и ждал, когда мы выстроимся».

Страшные морозы, бессонные ночи, жажда и голод, — все пришлось испытать молодым

партизанам. На третью ночь они вышли из леса на поляну.

Когда выбрались на бугор, со всех сторон началась стрельба. Отряд попал в засаду. Борис вполголоса крикнул: «Перебежкой, за мной!» Клава Милорадова и Зоя Космодемьянская бежали следом за командиром. Поляна казалась бесконечной. Когда добрались до леса, не досчитались десяти человек: кто-то погиб, кто-то ушел в другую сторону. Пропала Вера Волошина, всегда шедшая впереди отряда.

Войска противника искали партизан, которые мешали их натиску. Много таких отрядов, как группа Крайнова, скрывалось в лесах Подмосковья, нанося удары по врагу.

Тогда «крайновцы» получили особое задание. Из ближайших к фронту деревень немцы угнали все население и расположили там свои боевые части. Партизаны должны были пожарами ориентировать нашу авиацию на эти части.

В селе Петрищеве, по слухам, находился крупный штаб. Туда и спешил отряд Бориса Крайнова. Но путь их был нелегким. Из разведки не вернулись Клава Милорадова и Лида Булгина: им пришлось уйти в сторону и одним пробираться к своим.

На боевые задания Борис Крайнов посылал только парней. Однако Зоя все время настойчиво требовала «настоящего дела». В ночь с 27 на 28 ноября Зоя подожгла конюшню, а Борис — дом, где размещались немецкие солдаты. Борис не дождался Зою на месте встречи в лесу, к своим ему пришлось отходить в одиночку.

Борис Крайнов еще долго воевал в партизанских отрядах. В 1942 году он руководил специальной разведывательной группой в тылу врага в районе Полоцка-Витебска-Невеля. Он погиб под Ленинградом 5 марта 1943 года.

Из писем подполковника в отставке Александра Фадеева: «Я, единственный, кто знает истину — как, когда и при каких обстоятельствах погиб Борис Крайнов. Являюсь не только свидетелем гибели, но и считаю себя обязанным Борису тем, что оказался только раненным, а он — убитым.Ценой своей жизни спас меня Борис Крайнов».

Александр Фадеев в подробностях описывал тот роковой день 1943 года: «Отдохнуть в этот день нашему взводу не удалось. Во второй половине дня начались (вернее, они и не прекращались) ожесточённые бои по прорыву второй оборонительной позиции противника.

Так получилось, что мне пришлось временно стать командиром сводной роты,

состоящей из четырёх взводных командиров и примерно полусотни красноармейцев и сержантов роты автоматчиков и подразделение 2-го парашютно-стрелкового батальона нашего полка. Раз за разом мы пытались прорваться в сильно укреплённую фашистами деревню Кошельки (по правому берегу реки Порусья). Но без артподготовки наши атаки захлебнулись...

Не знаю как бы и что я стал делать дальше, чтобы все-таки овладеть «Кошельками», но меня ближе к вечеру в третий раз за этот день сильно «стукнуло», что только через три с половиной месяца смог из Казанского госпиталя возвратиться на фронт. Разумеется, об этих своих ранениях говорить бы не стал, если бы дело касалось только меня одного. Первую осколочную царапину получил, когда фашистский снаряд, скользя, ударил по башне танка: перевязку делать было некогда и кровь на морозе постепенно перестала течь сама собой. При нашей пешей атаке первой позиции откуда прилетела пуля и пробила мне правую щёку, и я её выплюнул вместе с выбитым зубом...

...А вот у деревни Кошельки, когда я поднимал роту в очередную атаку, в меня выстрелил фашистский снайпер, но только вместо головы — разрывной пулей раздробил правую лопатку. Безусловно, следующей пулей он бы меня прикончил..., но, в какую-то долю секунды лежащий в метре за мной десантник вскочил и бросился чтобы оттащить меня в безопасное место и вторая разрывная пуля, предназначавшаяся мне, попала ему в голову...

В наступивших сумерках наша сводная рота атак больше не предпринимала (Кошельки были взяты ранним утром следующего дня). Меня наскоро перевязали и в полубеспамятстве доставили в санроту полка: моего спасителя похоронили недалеко от места его героической гибели, в могиле, открытой за ночь малыми сапёрными лопатками и винтовочными штыками... Так, 5 марта 1943 года (за два дня до моего двадцатилетия) на 36 км. южнее города Старая Русса, спасая меня, погиб наш славный боевой товарищ, мой ровесник Б.С. Крайнов. Прошло ещё два года войны, и прошли годы и десятилетия мирного времени. Но я никогда не забывал о том далёком мартовском вечере... 1943 года».